

ТРОШИНА Татьяна Игоревна

доктор исторических наук,
профессор кафедры социальной работы
и социальной безопасности Северного (Арктического)
федерального университета имени М. В. Ломоносова,
Архангельск, Россия

Tatiana I. TROSHINA

Dr. Sci. (National History), Prof.,
Department of Social Work and Social Security
Northern (Arctic) Federal University
Arkhangelsk, Russia
tatr-arh@mail.ru

Фильтрационные и концентрационные лагеря для пленных белогвардейцев на севере России (1920-1921)

В статье представлена информация об условиях пребывания в северных лагерях так называемых «пленных гражданской войны». Автор опирается в первую очередь на анализ архивных документов. Рассмотрены фильтрационные лагеря для белогвардейских военнопленных, концентрационные лагеря, в которых размещались приговоренные к различным видам наказания, включая «принудительный труд». В них содержались главным образом местные жители, а также направленные в Архангельскую губернию участники боевых действий и выходцы с юга Европейской России, признанные виновными в иных видах антибольшевистской деятельности. Информация о происходивших в 1920-1921 гг. репрессиях в Архангельской губернии в отношении бывших белогвардейцев, была широко представлена в эмигрантских источниках. Положение заключенных было чудовищным, унижительная физическая работа дополнялась плохим продовольственным и материальным обеспечением, свирепствовали эпидемические заболевания, имели место массовые расстрелы.

Ключевые слова: гражданская война, военнопленные Южного фронта, заключенные, белогвардейские офицеры, фильтрационные лагеря, лагеря принудительных работ, Чрезвычайная комиссия, Архангельская губерния, холмогорский лагерь.

Filtration and Concentration Camps for Prisoners of the Civil War in the North of Russia (1920-1921)

The article presents information about the conditions of so-called “Civil War captives” in the northern camps in Arkhangelsk province. The author relies primarily on the analysis of the archival documents. The filtration camps for the White Guard prisoners, concentration camps, in which were sentenced to various types of punishment, including “forced labor”, were considered. They mainly contained local residents, as well as the participants in military operations and people from the south of European Russia sent to the Arkhangelsk province, who were found guilty of other forms of anti-Bolshevik activity. Information about the repressions in the Arkhangelsk province in 1920-1921 against the former White Guards was widely represented in emigrant sources. The situation of prisoners was monstrous, humiliating physical work was supplemented by poor food and material support, epidemic diseases raged, mass executions took place.

Keywords: Russian Civil war, prisoners of war of the Southern Front, captives, whiteguard officers, filtration camps, forced labor camps, Extraordinary Commission, Arkhangelsk province, Kholmogory camp.

*Мгновенье классового гнева
Пришло... Равнение налево!
Не спотыкаться, милый друг,
Зерном могильного посева,
Свинцом последнего напева
Отмечен тягостный испуг...*

Сергей Марков

Мрачными легендами окружено все, что связано с пленом во время русской гражданской войны. Вместе с тем, специфика именно гражданской войны, войны идеологий, предполагала возможность «переубедить» недавнего противника. «Белые» легко становились «красными», а «красные» «белыми». В биографиях многих участников тех событий были подобные трансформации, и нередко не по разу. Вспомним героя «Тихого Дона» Григория Мелехова, который, даже не будучи в плену, несколько раз менял «окраску», не в состоянии разобраться в происходящем.

Жестокое отношение вплоть до расстрела применялось обычно к самым «ярым» врагам, нередко их казнили «без суда и следствия», прямо на поле боя. Рядовых бойцов, в первую очередь взятых по мобилизации, как красные, так и белые после небольшого идеологического «карантина» ставили в свои ряды. Можно привести немало примеров, которые по понятным причинам редко упоминались в советское время, когда красные командиры и даже комиссары, попав в плен, меняли форму.

По воспоминаниям бывшего врангелевского офицера, их, пленных, конвоировали «донцы, попавшие в плен под Новороссийском», после чего они «были разоружены, старые возраста распущены по домам. Остальных <...> после соответствующей «обработки» вновь вооружили, влили в состав красной армии, целыми войсковыми единицами – сотнями отправили на Польский фронт, [затем] на Врангелевский фронт... Сдавшихся кубанцев так же «перековывали» и отправляли на Польский фронт. Некоторые воевали так добросовестно, что получали награды. Охотно принимал кубанцев в свой 3-й конный корпус Г. Гай... Почти вся 15-ая дивизия... была укомплектована из [пленных] кубанцев» [25]. Собственно,

ужасные подробности о плене создавались под влиянием разных обстоятельств. Остановимся на архангельских лагерях («Соловки», как их принято было называть; хотя Соловецкий лагерь был лишь одним из приготовленных для пленных гражданской войны и приговоренных к принудительным работам). Подотдел принудительных работ отдела управления Губисполкома. В Архангельской губернии было пять «лагерей принудительных работ для заключения в них военнопленных гражданской войны и лиц, осужденных за контрреволюцию». Это «шенкурский лагерь» (расположенный в Шенкурском уезде), который уже через четыре месяца после восстановления в Архангельске советской власти был расформирован «в связи с малочисленностью контингента». «Архангельский лагерь» № 1 и выделившийся из него «лагерь № 2», расположенный на ближайшей к городу железнодорожной станции Исакогорка – для работ на железнодорожном полотне; «Соловецкий» и «Холмогорский» концентрационные лагеря [23].

В Архангельске гражданская война закончилась после ухода белогвардейцев в феврале 1920 года, когда в других регионах страны она еще продолжалась. Сюда и было решено направлять «для фильтрации» (с целью выяснения степени вины) белогвардейцев, в основном офицеров. Здесь уже находились белые офицеры вооруженных сил Севера России, взятые в плен или сдавшиеся добровольно. Другого выхода (кроме самоубийства) у них не оставалось: при продвижении красной армии повсеместно происходили восстания «белых» солдат и матросов, которые арестовывали своих командиров. Чтобы не допустить сопротивления деморализованных в ситуации измены своих подчиненных офицеров, им гарантировалась при добровольной сдаче в плен личная неприкосновенность.

Положение «своих» и «чужих» военнопленных в период гражданской войны качественно отличалось. Если «своих» не пристрелили при взятии в плен, это означало, что они не настроили против себя солдат – как неприятельских, так и собственных, а также мирное население. Показательным в этом отношении является свидетельство белоармейского авиационного механика, описывавшего, как они расправлялись со своими офицерами еще до прихода красных: одного летчика («хорошего парня, всегда внимательного к нам, механикам»), отпустили, а других расстреляли [14, л.9].

Красные командиры ничего не могли сделать с этой стихией, и если офицер оказывался в плену, то направляли его в штаб в сопровождении совершенно посторонних солдат, поскольку «свои» «плохого» офицера могли по дороге пристрелить, а «хорошего» отпустить.

Задачей лагерей была «фильтрация» пленных, с целью выяснения степени их вины. После фильтрации большинство офицеров, прежде всего из местных, могли быть освобождены «под поручительство» авторитетных советских и партийных работников. Гражданская война развела по разные стороны баррикад недавних единомышленников, поэтому получить подобную гарантию было несложно. К примеру, арестованные при взятии Архангельска офицеры обратились к военному комиссару фронта Кузьмину «с объяснением, что они тоже боролись за социализм» [21], - и с этим трудно было спорить, поскольку белое «Северное правительство», которому они служили, состояло преимущественно из эсеров и социал-демократов. Кроме того, аресты офицеров «из местных» создавали неблагоприятную обстановку в губернском центре; буквально в первые дни после взятия Архангельска в газетах был опубликован приказ комиссара Н. Кузьмина: «В городе волнения и тревога по поводу ареста офицеров. По приказу Реввоенсовета Республики доведу до сведения беспокоящихся за участь бывших офицеров белой армии, что все, в политической лояльности которых не будет сомнения, будут выпущены. Большинство будут отправлены на другие

фронты. Жизнь всех в полной безопасности. К улучшению условий сидящих под арестом будут приняты меры. Рабоче-крестьянская Советская власть не мстит своим бывшим врагам» [22].

Отпущенные офицеры были связаны и другими обязательствами. Так, генерал Данилов, которого «взял на поруки какой-то коммунист», отказался бежать за границу, «так как в случае его побега всех [находящихся в лагере] офицеров расстреляют» [17, л. 64], - таково было условие его освобождения.

Впрочем, гарантии неприкосновенности нарушались, во всяком случае, в отношении тех, чья вина была доказана следственной (фильтрационной) комиссией. В основном это касалось старших офицеров и участников карательных операций; списки тех, в отношении кого приговор был приведен в исполнение, публиковались в газетах. Это уточнение важно, поскольку широко применяемый приговор «расстрел» (смертная казнь была восстановлена после отмены на очень короткий период, между 16 января и 11 мая 1920 г.) в большинстве случаев впоследствии заменялся другими видами наказания (иногда несравнимо легкими, например - «шесть месяцев в лагере принудительных работ»).

Летом 1920 года освобожденные белые офицеры, - такими, как правило, были «из местных», - подверглись очередной переписи и находились на так называемом «секретном учете». Перепись проводилась «на случай массового удаления из Архангельска» [9, л. 35, 36, 87]; можно предположить, что такая акция планировалась при возникновении опасности новой интервенции, поскольку в 1918 году именно демобилизованные офицеры, занимавшиеся, как казалось, вполне мирным трудом, были основными участниками «белогвардейского переворота».

В силу специфики гражданской войны, пленными могли оказаться самые разные люди. Это были не только военнослужащие, но участники военизированных бандформирований, «сочувствующие» белому делу и многие другие, которые арестовывались на занятой Красной армией территории и направлялись в северные губернии в распоряжение фильтрационных комиссий ЧК с формулировкой – «до

окончания гражданской войны». Северные лагеря стали местом пребывания для нескольких сотен военнопленных офицеров и гражданских лиц, присланных с других фронтов Гражданской войны, прежде всего с Кубани и Дона. Они уже прошли своего рода «фильтрацию», и сюда направлялись те, кто не был казнен на месте или не получил (как «социально близкий») возможности сразу же вступить в ряды Красной армии.

К примеру, в Красную армию были мобилизованы рядовые участники «десанта Назарова», а командный состав и перешедшие на сторону белогвардейцев советские работники и красноармейцы были расстреляны. Остальные приговором трибунала при Реввоенсовете Кавказского фронта были признаны «предателями трудового народа», но со смягчающими обстоятельствами – как «действовавшие под влиянием тяжелого наследия прошлого режима, и в виду темноты и невежества, которые мешали им рассмотреть и понять истинное значение Великой Октябрьской революции, и под влиянием идейного руководства белогвардейского офицерства, которые толкнули их на путь активной борьбы с советской властью» [10, л. 6].

«На отдаленную окраину Республики (такой была формулировка в приговорах трибуналов) направлялись и «зеленые» из южный районов страны, если они добровольно сдались или заслужили снисхождения по причине своей «малограмотности и неразвития». Высылали они в северные лагеря «без права выезда на родину до полной ликвидации там бандитизма» [1, л. 39, 119].

После «фильтрации» многие заключенные, в том числе из офицеров, получали «срок» и переводились на положение «принудителей», то есть заключенных, обязанных трудиться. Обычно они привлекались к труду по специальности («с прикомандированием к учреждениям»), иногда на весьма престижные должности. После трудового дня их вновь разводили в бараки [13, л. 66-67]. «Спец» особенно были нужны в губернском центре, который был переполнен войсками, поэтому концентрационные лагеря устраивать здесь было сложно. В связи с этим, отдельным «незаменимым работникам», как правило разре-

шалось жить «вольно», на положении расконвоированных.

Упомянутые уже «виновные» рядовые участники «десанта Назарова» получили «более мягкую меру наказания в виде принудительных работ с содержанием под стражей, до окончания гражданской войны в России», для чего их следовало направить «в одну из Северных губерний Республики, «использовав всех имеющихся в их среде специалистов для принудительных работ по их специальностям...» [10, л. 6] 133 осужденных на основании этого приговора (из них 4 женщины, сестры милосердия), имевшие различные профессии (сапожники, кузнецы, врачи, фельдшеры и др.), были направлены в архангельские лагеря принудительных работ [10, л. 7].

Направленный в Архангельск «до окончания гражданской войны» преподаватель Екатеринодарской гимназии был «в числе 38 человек из тысячи освобожден за отсутствием каких бы то ни было улик и направлен» в распоряжение отдела народного образования: «недостаток в педагогах огромный, - пишет он на родину, - так что наши “пленники” встречаются здесь с распростертыми объятиями» [27, л. 27, 28]. Высланные из Терской и Донской областей женщины служили «школьными работницами» [1, л. 7]. Особенно затребован был медицинский персонал: они были нужны и в лагерях, где отмечалась тяжелая санитарно-медицинская обстановка, и в городских медицинских учреждениях. Из списка медперсонала лагеря принудительных работ на январь 1921 года можно выделить нескольких донских жителей, направленных на Север за участие в «десанте Назарова» (это фельдшеры Мирон Табо и А.М. Кондрашев, санитар И.И. Бондаренко) [3, л. 7].

Хуже приходилось кадровым офицерам, не имевшим какой-либо мирной профессии. Их использовали для самых грязных и неквалифицированных работ, прежде всего, связанных с проведением санитарно-гигиенических мероприятий, на которые даже по трудовой повинности было сложно набрать гражданских.

Санитарная обстановка в городе и окрестностях была чудовищная. Например, в Архангельске, который с конца 1919 года был

на положении прифронтового города, а в первые месяцы 1920-го гражданские власти оказались беспомощны навести здесь какой-то порядок, никто не занимался ассенизацией, и весной была угроза, что город «утонет» в нечистотах. Решено было «нечистоты вырубать топорами и вывозить в замороженном виде», поскольку обозов для вывоза их в оттаявшем виде все равно не было [4, л. 2].

Не лучше обстояла ситуация вдоль железнодорожных путей («люди переезжают в теплушках, в которых нет отхожих мест, поэтому уборные на станциях переполнены, грязь на станциях и вдоль железнодорожного полотна» [4, л. 7об.]) и в местах, где проходили боевые действия (как отмечалось в докладах санитарно-медицинских отделов, «до сих пор в лесах и болотах валяются неубранные трупы людей и павших животных, бывшие окопы завалены нечистотами, испражнениями и банками от консервов. По деревням на местах стоянки войск валяются горами жестянки от консервов, мусор, нечистоты»... [6, л. 1]) Для всех этих видов работ и решено было «привлечь белоармейцев». (По свидетельству пленного А.Н. Грязнова, «офицеров ... заставляли исполнять самую грязную работу» [16, л. 59]). Именно с этой целью в Архангельске, несмотря на тяжелый продовольственный и жилищный кризис, содержали «лагерь № 1», поскольку 700 заключенных в нем офицеров были «единственным резервом рабочей силы для санитарной очистки города» [4, л. 18]; ставился даже вопрос о расширении лагеря.

Унизительная физическая работа дополнялась плохим продовольственным и материальным обеспечением. Население губернии было посажено на паек, голод и эпидемии были мрачной приметой того времени для всей России. Заключенным, тем более «контре», приходилось особенно тяжело.

Наиболее гнетущее впечатление производил «архангельский лагерь», почему его, собственно, и стремились убрать из города. Находившиеся там офицеры, взятые в плен нередко во время боя, оказывались без личных вещей. А если таковые и были, то во время этапа их успели обменять на продовольствие, поскольку пленным почти не кормили в течение всего долгого движения к Белому морю.

Офицер А.Н. Грязнов писал в своем отчете о нахождении в плену, что некоторых «обобрали дочиста», а «дорогой почти не кормили, приходилось снимать одежду и покупать хлеб» [17, л. 59-60].

Вот некоторые свидетельства из перехваченных писем работавших в городе «принудилловцев»: «...Я отдал свою шинель одному офицеру, у которого кроме чесучевого белья ничего нет, лапти на босу ногу, и все это в клочьях. Половина [пленных] без шинелей, и только у некоторых полушубки. В общем, тихий ужас, теряют образ и подобие человеческое, озлобленные, истощенные, в грязи, во вшах, ругань и споры не утихают ни на минуту. Жизнь идет от получения хлеба до – получения, вокруг железных печей, которые облеплены людьми...». А это из письма, которое не удалось отправить домой пленному офицеру: «...От вшей и грязи на теле масса расчесов, которые гниют, и истощенный организм не в силах бороться с ними. Если все так будет продолжаться, то вряд ли можно будет пережить зиму и весну, непременно протянешь ноги. Настроение духа самое ужасное, [усугубляет] неизвестность нашего положения, гнет окружающей обстановки...» [11, л. 6 об.].

В докладе о санитарном состоянии городского лагеря отмечается, что в помещениях, рассчитанных на 550-600 человек, размещается более тысячи заключенных, «люди грязны, вшивы зачастую без белья, ослаблены продолжительной дорогой в непривычных климатических условиях». Направленные сюда «терцы» характеризовались санитарными врачами как «крайне апатичные», их высокая заболеваемость и смертность в лагере объяснялась «изнуренностью людей в пути, преклонным возрастом в большинстве случаев и крайне угнетенным состоянием духа» [5, л. 69].

Уже перенеся тяжелое этапирование на север, люди оказывались в пересылках, мало приспособленными для содержания большого количества людей. Только за первую половину 1921 года через Вологодскую пересылку прошло около полутора тысяч человек [13, л. 9]. Пересыльно-распределительные лагеря стали очагами различных эпидемий. В архангельских пересыльных пунктах ежедневно отмечалось до десяти случаев тифа, что объ-

яснялось скученностью и антисанитарными условиями жизни: «нары в два яруса, люди помещаются даже между нарами на полу; недостаток и даже отсутствие белья. Вещи и люди изобилуют вшами...» [15, л. 9].

Если пересылки были переполнены, то в лагерях тюремное население сокращалось очень быстро. Приспособленные под лагеря монастырские помещения и бараки, нередко не приспособленные для зимнего проживания, быстро «пустели». Именно холмогорский лагерь для военнопленных стал в сентябре 1920 года очагом распространения тифа.

По мнению архангельских врачей, эпидемия возвратного тифа в губернии была вызвана именно заключенными («занесена с Кубани» [4, л. 68], а также из Саратова и Витебска [3, л. 14].), которых на достаточно большое расстояние этапировали пешком порядком, и на ночь размещали в крестьянских домах. Сыпной тиф распространялся и из лагеря – через вещи, на которые заключенные выменивали у населения продукты питания. Кроме того, тяжело больных людей «освобождали», а попросту – отправляли на все четыре стороны; пытаясь добраться к себе домой, они заходили в деревни, просились на ночлег, распространяя эпидемические болезни все шире и шире [3, л. 552].

Заключенные холмогорского лагеря, размещенные «в просторном, чистом монастырском подворье», страдали от холода, отсутствия санитарно-гигиенических средств, и прежде всего – от плохого питания. «Фунт (454 гр.) черного непросеянного хлеба, 6 золотников (25 грамм) сухой рыбы, 15,5 золотника (66,5 грамм) пшеничной муки, почти без соли» при «интенсивной работе», - не мудрено, что люди, по словам санитарного инспектора, «слабы и истощены...; едва волочат ноги. <...> Заболеваемость и смертность очень велики. Медицинских средств нет...» [7, л. 3-4, 10]. «В лагере переболели все»: кроме простудных заболеваний, это был тиф, а также водянка - отеки нижних конечностей. Поздней осенью и зимой ситуация усугубилась почти повальным распространением цинги, что было «связано с холодным климатом, вечной сыростью, крайней недостаточностью продовольствия, плохими жизненными условиями» [7, л. 3]. За-

ключенным в таких условиях увеличили паек до 2 тыс. калорий, прибавив жиры; суточная норма для обитателей лагерей состояла из 400 грамм ржаного хлеба, 200 гр. рыбы, 13 грамм сала (шпик), 6 грамм сахара и 25 грамм картофеля и круп.

Как уже упоминалось, медицинский персонал лагерей был из числа заключенных. Охранники и даже руководители мест заключения тоже были «со статьями»: например, «не выполнившего возложенную на него ответственную работу» работника направили «в Холмогорский лагерь для отбывания наказания, используя в качестве надзирателя» [14, л. 2].

На последнем этапе гражданской войны, в 1920 году, у оставшихся в лагерях офицеров был шанс освободиться и даже «послужить трудовому народу». Гражданская война, до окончания которой они были изолированы, еще не закончилась, но началась война с Польшей, которая получила самостоятельность и при помощи стран Антанты создала довольно боеспособную армию [см. 26. Гл. I, VI]. Для борьбы с ней требовались старые командирские кадры. Те, кто не желал служить в Рабоче-крестьянской красной армии, или кого не брали туда на основании их «социального положения», оставались в лагерях.

Мрачные слухи, распространявшиеся различными путями, в том числе из-за границы, заставляли сомневаться, что за формулировкой «содержать в лагере до полного окончания гражданской войны» нет чего-то более страшного, чем временная изоляция.

Сведения, на основании которых появлялись эти слухи, были получены от белогвардейцев, которым удалось бежать из Архангельска, а также из писем, которые архангелогородцам удавалось отправить за границу [18, 20]. Так, в белоэмигрантской газете сообщалось, что «в Архангельске расстреливают оптом ... расстреляли, несмотря на данную амнистию, всех участников белой армии, от офицеров до генералов, всего 1.500 человек. ... По большей части расстреливают привезенных из центральных губерний. ... Каждый день видят все, как солдаты ведут [за город] людей, а обратно возвращаются с узлами одежды ...» [24].

Анонимный очевидец сообщал о расстреле на одном из островов Северной Двины четырехсот заключенных Холмогорского лагеря, которых «привезли на барже, заставили раздеться донага и расстреляли из пулемета» [18, с. 354-357]. Рассказывалось про чудовищное положение заключенных, когда «весь лагерь голодный, больной, забытый, люди теряют всяческий человеческий облик и превращаются из людей в жалких забытых рабов», а «интеллигентных девушек [руководство лагерей] делали своими любовницами», при этом те «не могли отказаться, так как им давали продукты на весь барак» [18, с. 358-363].

Под влиянием этих слухов вслед за взятыми в плен на южных фронтах и направленными в северные лагеря мужьями ехали и их жены – «узнавать об их судьбе». Архангельская ЧК «била тревогу» по этому поводу, возмущаясь, к примеру, действиями вдовы погибшего в английском концлагере на острове Мудьюг профсоюзного лидера Диалактовича, которая, пользуясь памятью мужа, ходила по инстанциям с целью оказать поддержку несчастным женщинам. Заместитель председателя губернского исполкома И.В. Боговой предоставлял этим «декабристкам» работу – из сочувствия или в связи с недостатком квалифицированных кадров, но такая активность тоже не нравилась сотрудникам ЧК [14].

Опасения жен пленных офицеров скорее всего были не напрасны. Есть косвенные свидетельства, что часть офицеров доставляли на Север именно для уничтожения. Известно об «акциях» в Холмогорском лагере; население близлежащих поселений еще долго вспоминало о массовых расстрелах офицеров. В секретной сводке архангельской ЧК за февраль 1921 года, пишется почти прямым текстом: «Во всех районах спокойно, за исключением Холмогорского района, в связи с Холмогорским лагерем, где проводилась операция белых бандитов в 1920 г. Операция проводилась не вполне аккуратно, на основании чего носят нелепые слухи» [12, л. 121]. (выделено автором – Т.Т.) Этот лагерь, как следует из секретной переписки, «был организован Кедро-

вым... секретно исключительно для массовой ликвидации белого офицерства... [которые] привозились лишь для ликвидации..., кроме тех, кто был освобожден работавший фильтркомиссией» [19, с. 63-64].

Массовые расстрелы, которые происходили осенью 1920 и весной 1921 гг., скорее всего были связаны с тем, что почти все боеспособные части из Архангельска были направлены на фронт, а среди населения и «малосознательных красноармейцев», в основном из бывших белоармейцев, муссировались слухи о скором приходе англичан. (Как отмечалось в политсводке, «солдаты – большинство из врангелевской и деникинской армий, ведут агитацию против советской власти – якобы, с наступлением навигации придут англичане, будет переворот и т.п.» [12, л. 121].

Даже тем, кому удалось «после окончания гражданской войны» уехать на Родину, претерпели немалые страдания, пока добрались к себе на Юг по разоренной, охваченной голодом и тяжелыми эпидемиями стране. В июне 1921 года получившая разрешение на выезд в Ростов «партия кубанцев» несколько недель находилась в карантинном пункте в связи с отсутствием железнодорожных вагонов. Положение людей, как указывал в своем протесте врач губернского эвакуационного отдела, «отчаянное»: за это время «4 человека из партии уже умерли, 14 человек, отправленные в больницы, возвращены в карантин как неизлечимо больные...» [2, л. 27]

Тяжелые условия заключения в северных лагерях, имевшие объективные причины (общая экономическая ситуация в стране, отсутствие у нового руководства опыта в организации мест заключения, которые создавались здесь с целью обеспечения квалифицированной рабочей силой проектов восстановления и развития региона), и, собственно, вызванные жестокостью к бывшему неприятелю, что явилось неперенным признаком любой гражданской войны, - все это создало крайне негативный образ Севера в глазах населения Советской России на несколько десятилетий. «Сослать в Соловки» - эта фраза долго была наполнена особым, зловещим смыслом.

Использованная литература:

1. Государственный архив Архангельской области. Ф. 124. Оп. 1. Д. 141.
2. Государственный архив Архангельской области. Ф. 236. Оп. 1. Д. 1262.
3. Государственный архив Архангельской области. Ф. 236. Оп. 1. Д. 1268.
4. Государственный архив Архангельской области. Ф. 236. Оп. 1. Д. 1269
5. Государственный архив Архангельской области. Ф. 236. Оп. 1. Д. 1273
6. Государственный архив Архангельской области. Ф. 236. Оп. 1. Д. 1279
7. Государственный архив Архангельской области. Ф. 236. Оп. 1. Д. 1282
8. Государственный архив Архангельской области. Ф. 236. Оп. 1. Д. 1312.
9. Государственный архив Архангельской области. Ф. 282. Оп. 4. Д. 1.
10. Государственный архив Архангельской области. Ф. 352. Оп. 1. Д. 204.
11. Государственный архив Архангельской области. Отдел документов социально-политической истории. Ф. 1. Оп. 1. Д. 80.
12. Государственный архив Архангельской области. Отдел документов социально-политической истории. Ф. 1. Оп. 1. Д. 96.
13. Государственный архив Архангельской области. Отдел документов социально-политической истории. Ф. 1. Оп. 1. Д. 34.
14. Государственный архив Архангельской области. Отдел документов социально-политической истории. Ф. 1. Оп. 1. Д. 342.
15. Государственный архив Архангельской области. Отдел документов социально-политической истории. Ф. 8660. Оп. 3. Д. 323.
16. Государственный архив Вологодской области. Ф. 800. Оп. 1. Д. 12.
17. Государственный архив Российской Федерации. Ф. 5867. Оп. 1. Д. 26.
18. Красный террор глазами очевидцев / под ред. С. В. Волкова. М: Айрис-пресс, 2009.
19. Кубасов А.Л. Концентрационные лагеря на севере России во время Гражданской войны. // Новый исторический вестник. 2009. № 20 (2). С. 58-64.
20. Мельгунов С.П. Красный террор в России. М.: РИЦО, 1990.
21. Обращение б. офицеров // Известия Архангельского ревкома. 1920. 17 марта.
22. Объявление комиссара Н. Кузьмина // Известия Архангельского ревкома. 1920. 28 февраля.
23. Отчет отдела управления 4-му Губернскому съезду Советов // Известия Архангельского Ревкома. 1920. 20 августа.
24. Расстрелы в Архангельске // Время (Берлин). 1921. 7 марта.
25. Терский А. Белые у красных // Новое русское слово. 1969. 5 сент.
26. Трошина Т. И. «Интернированная Красная Армия» в Германии в 1920-1921 годах. Об одном полузабытом эпизоде Гражданской войны: монография. Архангельск: Изд. центр Сев. (Арктического) фед. ун-та, 2016.

References:

1. *State Archives of the Arkhangelsk Region [GAAO]*, Fund 124, Inventory 1, File 141.
2. *State Archives of the Arkhangelsk Region [GAAO]*, Fund 236, Inventory 1, File 1262.
3. *State Archives of the Arkhangelsk Region [GAAO]*, Fund 236, Inventory 1, File 1268.
4. *State Archives of the Arkhangelsk Region [GAAO]*, Fund 236, Inventory 1, File 1269.
5. *State Archives of the Arkhangelsk Region [GAAO]*, Fund 236, Inventory 1, File 1273.
6. *State Archives of the Arkhangelsk Region [GAAO]*, Fund 236, Inventory 1, File 1279.
7. *State Archives of the Arkhangelsk Region [GAAO]*, Fund 236, Inventory 1, File 1282.
8. *State Archives of the Arkhangelsk Region [GAAO]*, Fund 236, Inventory 1, File 1312.
9. *State Archives of the Arkhangelsk Region [GAAO]*, Fund 282, Inventory 4, File 1.
10. *State Archives of the Arkhangelsk Region [GAAO]*, Fund 352, Inventory 1, File 204.
11. *State Archives of the Arkhangelsk Region. Department for Documents of Social and Political History (GAAO ODSPI)*, Fund 1, Inventory 1, File 80.
12. *State Archives of the Arkhangelsk Region. Department for Documents of Social and Political History (GAAO ODSPI)*, Fund 1, Inventory 1, File 96.
13. *State Archives of the Arkhangelsk Region. Department for Documents of Social and Political History (GAAO ODSPI)*, Fund 1, Inventory 1, File 34.
14. *State Archives of the Arkhangelsk Region. Department for Documents of Social and Political History (GAAO ODSPI)*, Fund 1, Inventory 1, File 342.
15. *State Archives of the Arkhangelsk Region. Department for Documents of Social and Political History (GAAO ODSPI)*, Fund 8660, Inventory 3, File 323.
16. *State Archives of the Vologoda Region [GAVO]*, Fund 800, Inventory 1, File 12.
17. *State Archives of the Russian Federation [GARF]*, Fund 5867, Inventory 1, File 26.
18. *Krasnyy terror glazami ochevidtsev [Red Terror through Eyewitnesses]*, Volkova, S. V., Ed., Moscow: Ayris-press, 2009
19. Kubasov, A. L., *Kontsentratsionnyye lagerya na severe Rossii vo vremya Grazhdanskoy voyny [Concentration Camps in the North of Russia during the Civil War]*, *Novyy istoricheskiy vestnik*, 2009, no. 20 (2), pp. 58-64.
20. Melgunov, S. P., *Krasnyy terror v Rossii [The Red Terror in Russia]*, Moscow: PUICO, 1990.
21. *Obrashcheniye byvshikh ofitserov [Appeal of Former Officers]*, *Izvestiya Arkhangel'skogo revkoma*, Mart 17, 1920.
22. *Ob'yavleniye komissara N. Kuz'mina [Announcement of the Commissioner N. Kuzmin]*, *Izvestiya Arkhangel'skogo revkoma*, February 28, 1920.
23. *Otchet otdela upravleniya 4-mu Gubernskomu s'yezdu Sovetov [Report of the Department of the Office to the Fourth Provincial Congress of Soviets]*, *Izvestiya Arkhangel'skogo Revkoma*, August 2, 1920.
24. *Rasstrely v Arkhangel'ske [Shootings in Arkhangelsk]*, *Vremya [Berlin]*, Mart 7, 1921.

27. Фонды Краснодарского государственного историко-археологического музея-заповедника им. Е. Д. Фелицына. КМ –5183/6 Фонды Краснодарского государственного историко-археологического музея-заповедника им. Е. Д. Фелицына. КМ –5183/6.

25. Terskiy, A., Belyye u krasnykh [Whites at the Reds], *Novoye russkoye slovo*, September 5, 1969.

26. Troshina, T. I., "Internirovannaya Krasnaya Armiya" v Germanii v 1920-1921 godakh. Ob odnom poluzabytom epizode Grazhdanskoy voyny ["The Interned" Red Army in Germany in 1920-1921. About One Half-Forgotten Episode of the Russian Civil War: monograph.]: monograph, Arkhangelsk: Izdatel'skiy tsentr Severnogo (Arkticheskogo) universitea, 2016.

27. *Funds of the Krasnodar State Historical and Archaeological Museum-Reserve [FKGIAMZ]*, КМ –5183/6.

Полная библиографическая ссылка на статью:

Трошина, Т. И. Фильтрационные и концентрационные лагеря для пленных белогвардейцев на севере России (1920-1921) [Электронный ресурс] / Т. И. Трошина // Наследие веков. — 2018. — № 2. — С. 19-27. URL: http://heritage-magazine.com/wp-content/uploads/2018/06/2018_2_Troshina.pdf (дата обращения дд.мм.гг).

Full bibliographic reference to the article:

Troshina T. I., Fil'tratsionnye i kontsentratsionnye lagerya dlya plennykh belogvardeytsev na severe Rossii (1920-1921) [Filtration and Concentration Camps for Prisoners of the Civil War in the North of Russia (1920-1921)], *Nasledie Vekov*, 2018, no. 2. pp. 19-27. http://heritage-magazine.com/wp-content/uploads/2018/06/2018_2_Troshina.pdf. Accessed Month DD, YYYY.